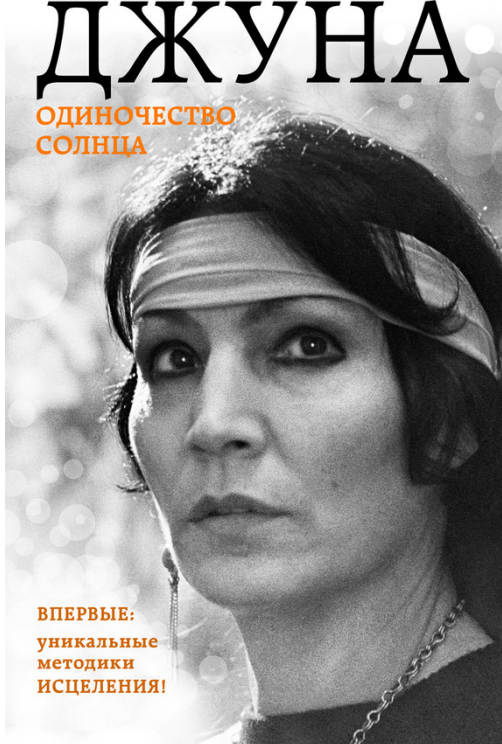

С. САВИЦКАЯ

ДЖУНА

ОДИНОЧЕСТВО
СОЛНЦА

ВПЕРВЫЕ:
уникальные
методики
ИСЦЕЛЕНИЯ!

Светлана Васильевна Савицкая
Джуна. Одиночество солнца
Серия «Учебник экстрасенса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11950754
Светлана Савицкая. Джуна. Одиночество солнца: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83978-0

Аннотация

В этой книге собраны тайны жизни, творчества и научной практики уникального феномена необузданной, нереальной, талантливой Джуны. Почему Джуна никогда не горевала о дочери? О потере близнецов? Почему так фанатично любила сына? Кто такой Давиташвили и был ли он на самом деле? Какое в действительности базовое образование почетного академика 132 академий?

Чудеса, увиденные во сне и наяву. Раскрытие всего спектра талантов феномена Джуны. Уникальные ассирийские рецепты для долгой и здоровой жизни. Тайны бесконтактного массажа. Уникальные советы для людей, чьи родственники подвержены сенильной деменции – мании того, что все окружающие их обворовали. Реабилитация равновесия через убиение эмоций. Джуна – как сосуд, в котором уживалось добро и зло, гнездились ангелы и демоны. Талант страдать. И дар любить. Джуна как целительница.

И многое другое вы узнаете из книги «Джуна. Одиночество солнца».

Содержание

От рождения до смерти	5
Джуна. Одиночество солнца	9
Детство и отрочество	12
Дар, вызванный падением в колодец, – синдром Ванги	14
Путь от горничной и массажистки в отеле до медиума	15
Рождение дочери	17
Юна – символ материнской несправедливости?	20
Образование базовое и образование души	22
Неслучайные встречи с лидером решили всё	23
Хроники о феномене Джуны в прессе	26
Академия наук и Джуна. Восьмидесятые	29
Джуна и космос	32
Джуна и Чернобыль 26 апреля 1986 года	34
«Мой грех – я сделала перестройку»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Светлана Савицкая

Джуна. Одиночество солнца

Фотография на 1-й сторонке обложки и корешке: Владимир Яцина / Фото ИТАР-ТАСС

© Савицкая С. В., текст, фото, 2015

© Машков Ю. М., фото, 2015

© Бухаров А. Н., фото, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

От рождения до смерти

*Я служу вам судьбой своей,
Люди,
Смилуйтесь надо мной!*

Джуна

Проходят времена, великие камни превращаются в пески, разрушаются великие цивилизации, а люди ждут... ждут великие книги о великих людях. Сегодня, в день великого солнцестояния, мне бы хотелось признаться в любви моему великому солнцу.

Сознавая душою и сердцем и отчасти приобретенным умом, обремененным начальными астрономическими знаниями, что звезда, вокруг которой движется планета Земля, не столь уж и велика, можно сказать, даже кроха по сравнению с гигантами, летающими в космосе, для меня она все равно сиятельна и лучезарна – по той простой причине, что это моя звезда. Так же и маленький принц Экзюпери на своей крошечной планете любил свою розу. Однажды он оказался на другой, большей планете. И увидел тысячи роз. Но понял секрет – любовь может быть только единственной. И пусть даже она колет наивным оружием – умирительным шипчиком – роза одна у каждого.

Нечасто мы признаемся в любви. Близким. Другам. Собственным детям. Родителям. Родине. Милости Бога. В день великого солнцестояния я говорю своему солнцу – несмотря на то, что ты испепелило пустынями бока нашей планетки, иссушило и измучило человечество магнитными бурями, своенравными мощными протуберанцами, я люблю тебя, о Солнце, мой великий целитель!

Людей, подобных космическому объекту, встретишь нечасто. Иногда их величие осознается только после ухода. А иногда эти люди врываются в твою жизнь мощно и всеобъемлюще, накрывают с головою девятым валом до замирания дыхания, и сердцебиение останавливается от взаимодействия с ними. Сегодня, в день великого солнцестояния, когда улеглись страсти похорон великой Джуны и прошло девять священных дней, мне хочется передать людям опыт ее великих тайн.

В нашей деревне говорили: «О мертвых либо ничего, либо правду!»

А я поведаю правду с любовью. С любовью о ней не только лишь как о целительнице, но прежде всего о романтической поэтессе, искренней певунье, оригинальном, имеющем собственное лицо в искусстве художнике, наивной выдумщице, прекрасном поваре, гостеприимной хозяйке, дарительнице, исследователе и ученом, умнице и капризнице одновременно, гибком и талантливым скульпторе, верной матери и черствой жене, послушной дочери, гневливой старухе, хрупкой беззащитной девочке, сумасшедшей хулиганке...

Кроме того, полагаю, лишь мне одной была известна тайна ее истинных диагнозов эти последние пару лет. Сотни маний и фобий она брала на себя, излечивая людей от более тяжелых недугов. Они прыгали на ее плечи и гнездились в волосах, как «неистребимые лярвы». Некоторые мании были просто непереносимы и отвратительны, например, невроз навязчивых состояний под названием «сенильная деменция» (это когда больному кажется, что каждый хочет его обворовать). К сожалению, после пятидесяти лет прогрессирует и не излечивается. Чуть ли не каждую неделю она полностью меняла ключи и замки во всем своем особняке, буквально ставила на уши прислугу, друзей (я имею в виду тех зевак, которые случайно забрели поглазеть на знаменитость мирового уровня и урвать частичку от ее славы), ходила с громадной гремющей связкой ключей и даже спала с ними. Она звонила мне и пла-

кала в трубку, что ее снова обворовали, звала на помощь, задыхаясь от обиды: «Света! У меня украли драгоценности!» или: «У меня снова украли Библию!», «Света! У меня украли брюки!» – «Джуна, дорогая, первым делом успокойся. Эта тема решительно исключена! Никто бы не посмел взять даже крошку с твоего стола без разрешения! Просто хорошенько поищи!»

Два ее последних года, когда на телефонном аппарате высвечивалось имя Джуны, я понимала – новый рецидив. И слышала вновь и вновь: «Меня обокрали! Помогите!» После сотого, наверное, приступа я не выдержала и резко закончила телефонный разговор: «Джуна! Я не могу тебе помочь! Я не психиатр!» Были и более острые моменты. Но и более интимные, тайные и более нежные. Лирические. Доверительные. Священные. С середины января 2015 года наши отношения приобрели статус идиллии. Любое общение начиналось и заканчивалось обильными признаниями во взаимной любви и преданности. Она меня обнимала, целовала, осыпала подарками и просила... просила прощения...

А я не понимала, за что. Разве можно обижаться на собственного ребенка, болеющего простудой, за то, что он покрывается испариной? Все ее дикое для цивилизованного человека скандалы я, воспитанная в сибирской деревне под пьяные песни после «работы до рвоты» и битвы на топорах, воспринимала как маленький шипчик любимой розы, что бережно хранила под колпаком в пустыне своего сердца.

Причиной наших таких вот энергетически близких отношений стал очерк «Джуна. Одиночество солнца». Президент Академии интеграции науки и бизнеса (МАИНБ) Яков Захарович Месенжник как-то обмолвился, что часто общается с Джуной. Сказал, что целительница прекрасно пишет стихи, притчи и даже может быть мне конкурентом. Поэтому было бы нелишне рекомендовать ее на премию «Золотое перо Руси».

С Джуной? Естественно, я тут же умерла от любопытства и воскресла от возможности хоть одним глазком увидеть живую легенду.

Месенжник – давний друг семьи Джуны, с тех пор как Москва приняла ее в свои суетливые объятия. Но он и мой друг. Прекрасный собеседник. Профессор. Умница. Он настоятельно предупредил, что Джуна «не совсем в себе». Просил быть деликатной и осторожной. Если завяжутся творческие или деловые проекты, непременно брать расписки. Не знаю, как он рекомендовал мою персону, как писателя или как «фею-крестную» всех золушек разом, но первая встреча с Джуной буквально поставила меня в тупик.

Мы с Александром Бухаровым, учредителем литературной премии «Золотое перо Руси», собирались весьма тщательно. Вот только в субботу 1 июня 2013 года в два часа пополудни мобильный номер Джуны, который сообщил Месенжник, не ответил. Бухаров занервничал, даже обиделся и принял решение отказаться от встречи совсем.

Мы тогда еще не знали, что Джуна – не солнечная «нотр дам д'Арбат» (фр. «наша дама на Арбате»), а лунная. Ее физиологические часы сбиты с точностью до наоборот. Когда все люди работают, она спит. Ложится в 9 или 10 часов утра, встает в полвосьмого вечера, соответственно, когда жаворонки ложатся спать. Мы не знали также, что если приходит суббота или воскресенье, то Джуна проводит день на кладбище с сыном Вахо. И все деловые и творческие встречи у нее в этот день «на последнем месте в очереди вне всякой очереди».

В этот же день, только часа на три позже намеченного срока, раздался звонок:

– Света? Света! Это Джуна! Приходите сейчас. Я вас жду!

Голос спокойный. Властный. Грубовато-сиплый, какой бывает, если женщина долгие годы курит. И мы с Сашей, не смея отказаться, безропотно проделав крюк, снова встретились на Арбате. Проходим всю старую улицу в сильном волнении. Саша беспрестанно курит. Двери отворяет один из слуг. Глаза цепляют по стенам необычные художественные работы, написанные пастелью. Очень стройные женщины и лошади с грустными глазами. Птицы. Скульптуры. В комнате слева стулья, и над ними какие-то приборы. Стесняет странность –

окна плотно и наглухо задернуты тяжелыми портьерами... «Мы попали в жилище вамп! – шепчет экстрасенс Саша. – Не поверишь! У нее есть собственный гроб! Кра-а-асивы-ы-ый!»

Саша в своих предсказаниях еще ни разу не ошибался. Как выяснилось потом, у Джуны и в самом деле был гроб задолго до смерти, и место на кладбище она для себя приобрела заранее.

Нас заводят «в святая святых» – комнату, где она ест и спит. У барной стойки – более десятка огромных букетов свежих, изысканных и безумно дорогих цветов. Стол. Комоды и шкафы заставлены огромным количеством случайных, на первый взгляд, совершенно ненужных сувениров. Наверное, подарки.

Вбегает дикая собачка редкой и дорогой породы королевский шпиц. Лает как оглашенная. Я нагибаюсь и цепляю без страха место на спинке, которое собаки достать не могут, но очень любят, когда их там шерстят. С этой секунды Виконт, а короче – Вики, навеки у моих ног. Затихает. Ластится. Лижет руки.

Я слышу легкие шаги. В комнату живо заходит женщина. Вся в черном. Стройная. Сутулая. И... падает мне на грудь, сдерживая рыдания:

– Света! Света! Я же СЫНА похоронила!!! СЫНА!

Я принимаю в вынужденные объятия всхлипывающую «девочку» Джуну. Состояние дежавю. Тысяча кинжалов пронзает мою душу нестерпимой болью. Это уже было. Это глубокое материнское сострадание повторялось из жизни в жизнь. И повторилось теперь. Зачем?

Но к ногам моим прилип также и Вики. Джуна спохватывается, резко кричит:

– Вики! Оставь человека в покое! Самир! Самир! Иди! Возьми пять хачапури, пять, нет... десять хинкали! Валера! Чай ставь! Лимон! Виски или шампанское?

– Виски, – отвечает Бухаров.

– Шампанское, – отвечаю я.

– Кофе! – кричит Джуна. – Самирррр!!! Вики! Отцепись от Светы! Света, Вики никогда не принимает чужих. Что это с ним, не знаю. Вики!

Так начинается Эпоха Джуны в моей жизни.

С пяти до восьми, пока лаборатория не наполняется множеством больных, несмотря на субботу, неприятный день, Джуна читает нам стихи и даже целые поэмы, поет, смеется и плачет. Засовывает нам в рот насильно горячие жирные хачапури. Заставляет выпить еще и еще и, утешив мятежную душу, приказывает слугам подвинуть шкаф и извлечь громадный ящик с самодельными книжками ее стихов, набранными еще на печатной машинке в восьмидесятые, когда был жив Вахо...

Единственное, что она принципиально не позволяет фотографировать и даже убирает, если кто-то хочет дотронуться, – это ее руки.

– Когда кто-нибудь берет меня за руки или фотографирует их, мне потом очень плохо, – объясняет Джуна.

Ее руки особенные. Длинные узловатые пальцы все в серебряных кольцах. Ими она закрывает дефекты старости. Сквозь пленку кожи выступают голубые крупные жилы. Ногти ухоженные. Маникюр. Я подсматриваю, как она лечит больных. Не касаясь...

На следующий день я пишу очерк «Джуна. Одиночество солнца», который берут более сотни изданий по всему миру. А ночью мне снится мистический страшный и волшебный вещий сон, точнее, полуночное пришествие Джуны, о котором я расскажу позже. А этот очерк, что Джуна прослушала, скрестив на груди руки и не вздохнув, потряс ее. Она горячо воскликнула:

– Света! Света! Обо мне пишут с двенадцати лет. Но так! ТАК! Так обо мне никто еще не писал. Признайся, это писала не ты! Это писал Бог?!

Джуна после этого очерка стала звонить мне достаточно часто. Это была односторонняя связь. Она звонила, ругала за то, что не прихожу, и приказывала срочно прибыть. Я бросала все и, извиняясь перед мужем, в ночь ехала на Арбат.

Ее слуги доверительно сообщали, что Джуна всю ночь репетировала стихи, чтобы почитать мне... Для нее это было важно. Это было важно для нас обеих. Я радовалась, что стихи Джуны – действительно поэзия, а не просто стихи. А Джуна снова и снова звонила, с восторгом сообщала, что принесли журнал или газету, где мой очерк. Она его вновь и вновь перечитывала и благодарила, благодарила, благодарила...

Джуна. Одиночество солнца

*Хотела бы я сильной птицей стать,
Чтоб небо над тобой обнять крылами!*

Джуна

Свою душу она нам щедро подает, точно ведро колодезной воды. Захочешь – пригуби. Всё одно до дна не выпьешь! Ведь вода эта – жизнь. А сколько раз дано ей обновляться в колодце вечности?

Глаза Джуны в комнате с плотно задернутыми порттьерами кажутся просто черными.

Веселые, искромётные, они более всего похожи на шелковую глубокую ночь, выражая радость и страдание вечных звезд. Улыбка беспредельно искренна. Волосы длинные, как у Самсона. Непричесанные. Очень красивые.

Рядом с неправдоподобно молодою Джуной хочется хлопать в ладоши, хохоча и подпрыгивая, либо глубоко и скорбно рыдать. Ее эмоциональность остра и полярна, она объемлет разом весь Арбат, Москву, Россию, да что уж там мелочиться – весь космос!

Она не хочет слушать официоз, переключая собеседника на душевный настрой. И душа, как некая целома, сбрасывает скорлупу приобретенной взрослости, что мы называем знаниями, и оказывается пред нею обнаженно-детской. Вспоминает, как давно ее никто не обнимал, но видя, что есть одиночество еще более трогательное, тянется навстречу. Так на солнце летят ошалелые птицы, чтобы унять потоки световых слез уставшего от скитаний светила.

Исторический, философский, ментальный, физический, химический, духовный и какой угодно другой анализ сопровождал феномен Джуны от рождения. Но исследования любого божественного дара можно лишь начать, ведь на каком-то этапе неожиданно двоится точка и вдруг становится многоточием, а ваш личный вывод занимает порядковый номер в ряду множества выводов, полученных до или после вас.

Как это происходило с нею? Как происходит сейчас? Душою или руками? Сердцем? А может, солнечным сплетением через пуповину земли она вытягивает из ядра силу для воздействия и целительства? Еще ребенком она лечит близких и соседей. Крохотными своими ладошками обхватывает ноги отца. И держит полчаса, час. Иногда она засыпает, но не отцепляется от больного места...

Откуда-то отец, ассириец с древними царскими корнями, знал о ее бесценном даре: «Твое призвание – прикосновением рук залечивать раны». И девочка поверила ему.

Отец Джуны приехал в Советский Союз из Ирана. Работал экономистом. Во время войны героически партизанил. Много позже, когда внутренние органы власти «просвечивали» ее биографию, Джуна узнала, что настоящая фамилия отца Бит-Сардис. По-русски «Дом Сардиса». Фамилия свидетельствовала, что он – один из потомков знаменитого рода царей и жрецов.

В Евангелии есть эпизод, повествующий о том, как Иоанн услышал позади себя громкий голос: «То, что видишь, напиши в книгу и пошли церквям, находящимся в Азии: в Эфес и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатру, и в Сардис... И Ангелу сардийской церкви напиши... У тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут со мною в белых одеждах, ибо они достойны... пред Отцом Моим и пред Ангелами его».

Мать – русская женщина с Кубани. Однажды она провела рукою над головой Джуны, увидев будущее (возможно, дар передан от нее), и неожиданно произнесла:

– Лучше бы я тебя похоронила!

Лучше?

Жизнь и в самом деле готовила множество испытаний.

Джуна помнит пробуждение сознания еще из утробы матери. Вплоть до того, какая обувь и носки были у рядом стоящих мужчин...

В ассирийской деревне называли ее сверстники «шидда» – ведьма! Теперь величают царицей.

Джуна по-русски – Евгения, по-ассирийски – голубь.

Свои книги она подписывает двумя именами.

Ее общение с людьми сурово и мягко одновременно. Говорят, древние цари имели такой характер. Они управляли своей империей жестко, депортируя или казня бунтовщиков.

Необузданность ее характера проявлялась тоже с детства. Она могла не есть по три дня, если ей не хотелось. Даже насильственными методами ни матери, ни бабушке не удавалось урезонить своенравную Джуно. Она с детства, подобно Ашшуру, божественному покровителю ассирийского царства, создавала не только друзей-ученых (читай богов), но и саму себя. Она и теперь всецело посвящает себя науке.

– Мой день для людей. Я их лечу, – говорит Джуна, – моя ночь – для меня. Тогда я в одиночестве могу писать стихи, или рисовать, или совершенствовать приборы.

Религия Ассирии мало отличалась от вавилонских верований. В Вавилон перешли все ассирийские молитвы, гимны, заклинания, мифологические сказания, которые достались по наследству ассирийцам от аккадцев. Священные места ассирийцев стали священными местами вавилонян. Священным местом Арбата является дом Джуны, который находится рядом с Театром им. Вахтангова. Да и вообще название улицы Арбат имеет любопытный перевод с ассирийского. Ар – земля, ра – бог, бат – дом.

Изучение институтами и правительствами ее дара зафиксировано в засекреченных документах, которые, если сложить стопкой, давно стали толще самой крупношрифтовой Библии. А ее отношения с сильными мира сего напоминают не сотрудничество, а скорее противостояние легендарных богов Мардука и Тиамат.

Именно Джуна предсказала за три дня смерть Ясира Арафата. Именно она предвидела Чернобыль. А потом лечила, лечила, лечила пострадавших...

А еще Джуна видит людей изнутри. Нападает и «бьется», даже если человек ничего не говорит, она обвиняет его:

– Вы слышали, как он раскричался?

В свое время под нею был целый институт. Более семидесяти ученых-врачей в подчинении, а сама она – генерал медицинской службы при правительстве России. Среди мужчин – одна женщина. Она легко могла побить при всех любого из них.

– Ну и что, что генерал! Он – негодяй! – вот и все обвинение.

Доставалось и российским звездам. Но и помогала она им немало.

В 1979 году информация о целительнице была «отпущена». Популярный журнал «Техника молодежи» сообщал о ее сотрудничестве с Дипломатической академией МИД СССР, Звездным городком и так далее. Статья «Журнал проводит эксперимент» сообщала о достоверных фактах видения Джуны через пространство.

В том же году журнал «Огонек» описал случаи излечения больных Джуною прямо во Дворце шахмат города Тбилиси, где проходил международный симпозиум по неосознаваемой психической деятельности «Бессознательное». Там Джуна становится на один уровень с крупнейшими учеными России и других стран.

Десятки советских и зарубежных журналистов наводят на нее свои камеры.

Джуна демонстрирует не только элементы диагностики и врачевания руками. Но и, в частности, один уникальный физический опыт, в котором с очевидностью было исключено воздействие таких проявлений, как гипноз, внушение, чтение мыслей и тому подобных, к чему так часто пытаются свести якобы объяснение феномена Джуны. Речь идет об опыте с засветкой киноплёнки.

В 1980 году ее забрали в Москву под вооруженным конвоем...

Впереди ждали множественные эксперименты. И не только на лягушках, крысах и кроликах. Ее изучали и облучали десятки раз. Смертельная доза радиации однажды закончилась не клинической, а настоящей смертью.

Джуна умерла. Пять часов находилась без тела. Но вспомнила о главном, что оставила на земле и закричала: «Спасите Джуну!»

Есть места, куда лучше не попадать – например, коридоры власти. Это только в сказках герой оказывается по локоть в золоте, по колено в серебре. В жизни – по колено в трупах и по локоть в крови.

А Джуна и вовсе не хотела приезжать в Москву. Коридоры эти загадочные заинтересовались ею сами.

Сами прислали машину.

Черную машину.

Окутанное сотнями тайн имя Джуны до сих пор будоражит воображение населения планеты. Лгут и ерничают телевизионщики. Выдает бред «Википедия». А правда остается лишь в прикосновении ее магических рук.

Первое впечатление, говорят практики, самое верное. Что почувствовала я? Легкость! Точно Джуны и не было рядом. Я не припомню подобного ощущения за свою жизнь. Может, рядом с нами ее и нет, а это лишь голограмма? Проекция Ангела легендарного Сардиса, «не осквернившего одежд своих белых...»?

Ее дом отличается радушием и гостеприимством.

Картины с изображением людей без одежд считаются целебными. На них очень высокие стройные женщины, как и сама Джуна. Глаза в пол-лица...

Комнаты завалены дипломами святых отцов и святых церквей. Наградами разных стран. Вот золотые генеральские погоны. Вот многочисленные приборы, изобретенные ею методом «проб и ошибок». Джуна показывает гору фотографий.

Но сердце улавливает легкие вихревые потоки энергетической паники.

Прощает ли тонкий мир, когда кто-то пытается изменить его, пусть даже посредством помощи ближнему? Страдания эти концентрируются на кончиках ее пальцев, преобразуясь в сострадание.

«Шухарная» игривая девочка, которую заточили в идеально-прекрасное тело женщины, пережила самое страшное – смерть сына. Ничего на свете более жестокого ей уже не грозит.

Но об этом историки напишут потом, когда доступны будут засекреченные файлы. И, как сообщает нам Коран (сура 81), «Когда души соединятся, и когда зарытая живьем будет спрошена, за какой грех она была убита, и когда свитки развернутся, и когда небо будет сдернуто, и когда ад будет разожжен, и когда рай будет приближен – узнает душа, что она приготовила...»

Детство и отрочество

*В моем сердце – не кровь, а боль.
... Лица, лица —
Как будто «под ноль»
Их остригли в ближайшем морге...
Где ж вы, юношеские восторги?*

Джуна

Село Урмия Краснодарского края приобрело свое название уже после революции, когда его частично населили ассирийцы. Эта редкая национальность довольно загадочна и не изучена. Относится к национальным меньшинствам. Имеет древние семитские корни. Как мы уже сказали, упоминается в Библии.

Иногда Джуна говорила, что она ассирийка по отцу. Официально по паспорту его звали Юваш Саркисов. Как горячо утверждала Джуна при детальном изучении происхождения, настоящая фамилия предков Бит-Сардис. То есть «Дом Сардиса». По третьим рассказам, фамилия отца – Серегин, и в нем есть царские корни Романовых. А по четвертой и самой часто обсуждаемой версии, Джуна вообще приемная его дочь.

Мать звали Анна Григорьевна. В смысле мачеху, которая, как могла, воспитывала Евгению-Джуну.

Мать не обладала даром, но прекрасно готовила. Вообще ассирийцы славились тем, что принесли в Краснодарский край культуру консервировать и фаршировать болгарский перец. Заговаривать и врачевать умели родная сестра русской матери и прабабушка. Джуна показывала, как та, взяв в руку веточку вербы, заговаривала больных, лечила даже грыжу, что Джуне никогда не было под силу.

Но в народе считается, что неважно, родная ты дочь ведьмы или нет – та, кто окажется у постели перед последним проблеском сознания, унаследует дар.

Некоторые «шепталки-приговорки» пронесла Джуна через всю жизнь.

Вот, например, одна от сглаза: «Гляди, гляди, да не прогляди, тебе меня не сурочить!»

Или вот другая шепталка-оберег: «Иду-иду, веду-веду, заведу-запутая, в молитву заку-таю!»

Когда на твоём пути лежит монетка или другая ценная вещь, её надо непременно под-нять и на случай, если на ней проклятие, произнести оберег: «Поклад оставляю, золотник беру».

На удачную дорогу всегда надо бросать мелким духам мелкие деньги. Если ждешь большого дела – подавать всем попрошайкам по всему пути бумажные деньги. Обязательно подавать уличным музыкантам.

Но были и чисто ассирийские приметы. Каждый раз, когда Джуна наливала в чашки гостей кипятка, она отгоняла шестьсот летающих сердец или нерожденных детей, что летают вокруг нас, прикрывала рукою струю, и шептала:

– Шимы Алла! – это по-русски «во имя Бога».

Она как бы предупреждала духов, которые могли оказаться под струей воды. И также все время чтילה их присутствие и напоминала им об этом.

Джуна знала, что я пишу сказки, интересуюсь всем потусторонним. Поэтому старалась рассказать как можно больше необычного, что происходит с нею.

– Какие они, Джуна, ты их видишь?

– Конечно! – Джуна улыбается им, и показывает руками, – во-о-о-он полетели в разные стороны. Радужные мои-и-и!

Я напрягла зрение, пытаюсь «расслоить» его, и увидела над нею лунное сияние.

– Ты над собою лунное сияние видишь?

– Если бы! Если бы, Света, я могла это видеть, я бы вылечила себя. И лечила бы только себя. И жила бы девятьсот лет, – захихикала Джуна. – Но ты сама лечить себя можешь. Ты же прикладываешь ладони к заболевшим местам...

Иногда Джуна видела сквозь пространство, по крайней мере, она неожиданно в разговоре говорила так, точно она видит. И попадает в правду.

– Джуна, я ауру над людьми вижу очень редко, когда «расслаиваю» зрение или когда скучно, в дешевом театре, например, или на выборах – ах, это одно и то же! Свою ауру вообще не вижу. А ты мою ауру видишь?

– Конечно! Она синяя, как у солнца...

– У солнца синяя аура?

– А ты не видишь? – Джуна захохотала. – Скоро увидишь!

В ее семье свободно говорили на двух языках. Русском и ассирийском. Грузинский она выучила потом, когда попала молодой женою в национальную семью.

Неуправляемый своенравный характер был причиной стычек с родственниками, то есть с теми, кто удочерил Евгению-Джуну.

В точности повторилась история художника-сюрреалиста Дали. Когда пятилетний Сальвадор в который раз ослушался родителей и не помыл руки перед едой, его привели на кладбище и показали могильный камень. Надпись гласила: «Здесь лежит Сальвадор Дали. 5 лет. Умер от желтухи»... Оказывается, Сальвадора назвали в честь умершего брата. И когда исполнилось столько же лет, показали могилу. Это привело ребенка в шок, в состояние потрясения. С тех пор мальчик стал рисовать глазами мертвеца, видя подземный мир, считывая информацию прошлого и будущего, являя миру синдром ясновидящего пророка.

А когда Джуне исполнилось четыре года, она увидела странный сон. Черный провал. В просвете – могилу. А в ней девочка. «Кто ты?» – спросила Джуна. «Я – это ты. А ты – это я!» – ответила девочка.

Джуна рассказала сон родителям, и они показали ей кладбище, где похоронена ее сестра, которая умерла в четыре года... четыре года назад.

При сложении чисел получается магическая восьмерка – символ бесконечности времени или лента Мебиуса. Очень часто использует Джуна потом в своих работах эти знаки.

Дар, вызванный падением в колодец, – синдром Ванги

*Одинаковых лиц стена, —
Ребенок или старик? —
Не разберешь...
Страна —
Один обезьяний крик...*

Джуна

Четыре года – тот самый этап, когда зафиксировался узелком бутон, созрел и раскрылся прекрасной розой ясновидения. Брат Джуны играл с колесом и упал в колодец. Не задумываясь, Джуна метнулась за ним. Брата достали. И забыли о девочке.

Джуна увидела сквозь проем колодца сначала белое небо. Потом голубое. Потом синее. Затем черный космос. Звезды.

– Вы меня достали, а там еще Женя! – вспомнил о ней брат.

Когда ее извлекли из ледяной воды, для Евгении начался новый период жизни шидды – ведьмы по-ассирийски.

Она предсказала землетрясение. Односельчане не поверили. И жестоко поплатились за это.

В школе на Женю обрушилась стена. Духи совершенно не хотели отдавать свои тайны.

И люди в деревне не принимали эту странность. Родственники (пусть не родные, приемные) не любили. А Женя настойчиво считывала информацию и говорила им правду в лицо о прошлом, о будущем:

– Ты – негодяй!

– Ты – вор и обманщик!

– Не пей! Ты сдохнешь от водки!

Кто же это полюбит?

Ее базовое образование – восемь классов сельской школы села Урмия.

Путь от горничной и массажистки в отеле до медиума

*Дорога залита светом —
Солнечным, звездным, лунным,
Любовью земной согрета,
В любви —
Тяготенье к чуду...*

Джуна

Джуна никогда не вела беседу структурированно и последовательно. Основная часть ее общения проходила с Вики или с людьми, что возникали, как чертики из коробочки, совершенно бесцеремонно врываясь в ее покои и наш насмерть прерванный разговор со своими навязчивыми и кусающими время улыбками, цветами и подарками, что совершенно не были ей нужны.

— Света! Скажи! Я что? Проститутка? — ее ежедневный вопрос ко мне после очередного нашествия улыбающегося, извивающегося и кланяющегося чуть ли не в пояс пациента. — Зачем я должна продавать свое время всем этим людям, чтобы деньги отдавать другим? Мне ничего не надо! Я хочу писать стихи. Рисовать. Скажи! Я проститутка? Я хочу, Света, только одного — умереть, чтобы никого не видеть. Никого! Кроме своего Вахо! Я проститутка? Скажи!

— Джуна, ты ангел.

— Я проклятый ангел. Я убью себя, клянусь!

— Ты веришь в Бога?

— Верю.

— Тогда ты не должна покушаться на жизнь, которую он зажег. На свою жизнь.

Этот отрывок разговора повторялся изо дня в день, из месяца в месяц, став еще одним навязчивым дежавю.

Со временем я стала понимать, почему Джуно так волнует эта тема. Секрет таился в ее прошлом.

Если выстраивать биографию Джуны по ее отрывочным воспоминаниям и систематизировать, получается, что родилась она в 1949 году у родителей, которых не знает и не помнит. Ее усыновила семья Бит-Сардиса-Серегина-Саркисова.

Джуна не была уверена, был ли Юваш ее родным отцом, или привел дочь из первой своей семьи, или она была круглой сиротой. Или же он усыновил дочь сестры, или брата, или кого-то из родственников. В любом случае прослеживается родство по отцу.

В 1953 году Джуна становится медиумом и видит вещий сон, а потом и свою собственную могилу в четыре года.

В 1956 году идет в школу-восемилетку. Учится не особенно прилежно из-за ершистого характера.

Когда приемная мать в очередной раз бьет ее за непослушание, расквашивает ей нос и пытается притопить голову в ведре, сердобольная соседка проговаривается и восклицает, видя эту картину:

— До каких пор ты будешь мучить эту беспризорницу?

Так уже в школе Джуна узнает, что она не родная дочь.

Мать пугали выходки приемной дочери, а отца радовали. Надо сказать, ассириец по имени Юваш, что прибыл из Ирана, очень нежно относился к девочке. Когда сверстники

обижали и дразнили ее, он долго сидел с нею на крыльце, обнимая и рассказывая о звездном небе.

Так Джуна полюбила ночь. Ее «засветила луна» и стала звать к себе. Звать неудержимо.

«Возникло ощущение, что я живу уже не на Земле, а на тысячах планет, и до сих пор не могу собрать себя!»

С 1960 года наравне с другими колхозниками, она работает в Урмии до или после школьных занятий и приучается самостоятельно зарабатывать семье на хлеб. Она очень часто повторяет потом, что *«работала как проклятая с двенадцати лет!»*

Необычные способности связаны с даром медиума и врачавателя. Это уже не бабушкина веточка вербы. Это волшебные руки Джуны.

– Как ты чувствуешь это?

– Света, ты тоже это чувствуешь! Больное место чуть горячее здорового. Чуть-чуть подержи над ним ладошки. И пройдет. А там, где раковая опухоль, – холодно...

Потом, многие годы спустя, когда начнут изучать излучение и биополе ее рук, окажется, что электрическое воздействие рук Джуны в сто раз сильнее, чем у обычного человека. В точности скопировав его, создадут прибор-био корректор «Джуна»...

Но вернемся к биографии.

Окончив восьмилетку в 1964 году, Джуна решает поступить учиться в техникум. Ей нет еще шестнадцати лет. Родители – бедные колхозники. Аттестат – «ни к черту»! Но сознание собственной исключительности зашкаливает.

И тут у нас возникает сплошная путаница с ее воспоминаниями. У меня сложились четыре версии.

1. В 1969–1970 годах она *«поступила в Ростовский техникум кино и телевидения на отделение кинооборудования. Проучилась два года и бросила. По причине того, что поехала поступать в Москву в мединститут и провалила экзамены»*.

2. Она *«училась в Ростове в медицинском училище, получила распределение в Тбилиси (из России в Грузию? Версия не бьется...) и там познакомилась с Давиташвили»*.

3. Ростовский техникум на самом деле был медицинским, причем не техникумом, а *«назывался Народный заочный университет „Знание“»*. Он давал условно-высшее образование и был платным для тех, кто не мог официально (при социализме) поступить на бесплатное обучение. По специальности медика она после окончания этого народного заочного университета *«не могла найти работу»* и *«устроилась барменом, где познакомилась с семьей Кирлиана, изучавшего растения. Увлечлась этим и стала изучать себя»*.

4. ... и, возможно, единственно верная. Рождение в восемнадцать лет дочери, а потом близнецов не оставило Джуне шанса получить базовое среднее и высшее образование.

Рождение дочери

*«Мама», – зовет меня дочь,
Что страшнее беззвучного крика?
Вновь на груди я ее ощущаю ручонки.
«Мама», – кричит моя дочь.
А глаза ее смотрят с укором
Из глубины моей скорби и боли моей
бесконечной...*

Джуна

У меня не было цели получить что-то от Джуны. Цель была у нее. Она старалась заинтересовать меня информацией о себе. Хотела, чтобы я все бросила и написала о ней. Опубликовала все, что она из-за обстоятельств никак не может. Мечтала о первой и единственной нормальной книге, где были бы ее стихи, притчи и картины. Собрать это в многочисленных ящиках, полках и комодах – дело нереальное при таком разбросе внимания хозяйки на множественные визиты всепроникающих больных. А потом еще перепечатать и перевести в электронный вид! А потом еще побегать по издательствам, в которых лет сто уже никто не берет на гонорарной основе книги со стихами! Эта задача для меня была подобна приказу: «Иди туда, не зная куда, и принеси то, не зная что!»

Помимо всего прочего, вся эта «любезность» с моей стороны сопровождалась ярким напором и непомерными требованиями с ее стороны. «Света, приходи! Света! Сделай!» Вечная загруженность другими делами не позволяла мне бывать в покоях Джуны ежедневно. Муж нервничал, если я на ночь глядя отправлялась на Арбат. Семья вздрагивала. Друзья завидовали и рвались поехать со мной. Я исключала всяческую возможность приводить к ней друзей.

Я очень скоро поняла. Мир Джуны делится как бы на несколько частей. Первая часть – это ее пациенты, которые приносят по три тысячи за визит. Если Джуна брала однажды у кого-то деньги, этот человек переставал быть ей интересен как личность и превращался в покупателя ее времени, вызывая неприязнь. Вторая часть – те люди, которым она платила за услуги. Их было более сотни. Практически всегда появлялись разные. В основном молодые люди от двадцати до тридцати лет. «Сынки» за вечер работы «на подхвате», а именно за наливание гостям чая, бегание за хачапури, мытье собачки, открывание дверей и так далее, получали от нее по две тысячи за визит. «Мальчиков» Джуна по-свойски била, кричала на них. Сочиняла о них небылицы. Редкие продерживались более месяца, так как жестоко обвинялись в одном и том же – в воровстве чего угодно. Шансов оправдаться у бедняг было крайне мало. Если она поручала «друзьям» покупать для нее что-то, «друзья» пользовались доверием и поднимали цену вдвое. Джуна платила. Но чувствовала подвох. Тех, кому платила Джуна, она тоже презирала.

Третья часть ее знакомых – люди, которые, используя ее связи, пытались извлечь из них максимальную пользу. Джуна их тоже распознавала сразу. Связями не делилась. Людей друг с другом сводила неохотно. Если ее друзья начинали дружить помимо нее друг с другом, сильно нервничала. Ревновала. В большинстве случаев со скандалами выгоняла обе стороны. Отлучала от себя.

Четвертая часть – тусовщики. Они ничего не приносили. Являли собою облака обещаний – сделать музей Джуны или продать ее картины и так далее. Прилипали просто ежедневно приходили. Сидели у Джуны, пили. Ели. И за полночь уходили. Ничего не продавали.

Ничего не открывали. Слушали ее бесконечные рассказы, как слуги ее вновь обворовали, осуждающе кивая. Иногда Джуна даже давала им деньги на такси.

Если особо бедный посетитель или посетительница слезно просили помочь бесплатно, Джуна победно разрывала некое колесо сансары и радостно и гордо лечила пациента бесплатно.

До меня же Джуна настойчиво, зачастую агрессивно, сейчас я понимаю, из последних силеночек, «докапывалась сама», не относя ни к одной из категорий своих знакомств и контактов. Из чувства самосохранения я категорически не брала от Джуны ни денег, ни подарков, зная о ее склонности обвинять человека в воровстве. И старалась общаться исключительно при свидетелях, поближе к камерам внутреннего наблюдения.

Когда она что-то заказывала купить, я покупала, но не брала за это денег, а приносила в подарок.

– Я заплачу, у меня есть деньги, – настаивала Джуна.

– У меня тоже, – улыбалась я, не договаривая, что они были последние.

– Ну и ладно... – махала она рукою.

Но иногда мы оставались наедине. Тогда вся ее энергия обращалась только на меня одну. От ее табака трещали волосы. А от пронизывающих душу взглядов возникало лишь одно желание – погладить ее по волосам, успокоить.

Однажды на художественном полотне я увидела девочку. И непроизвольно спросила:

– Джуна! Почему ты так убиваешься о сыне и никогда слезинки не проронила о дочери?

Она преобразилась в лице. Стала задумчиво-мягкой. Грустной. Печально-горькой.

– Света. Когда я ее родила, мне не было восемнадцати лет! Я не люблю вспоминать эту историю. У меня очень узкий таз. И Юна пошла не вниз, а вверх к сердцу... Вот так... – Джуна задохнулась. – Ее у меня отняли. Шесть лет, Света. А потом она умерла.

– Но у тебя же были еще дети, – с полной уверенностью сказала я.

– Да. Близнецы. Они родились неполноценными. Я хотела их забрать, Света, клянусь. Я ходила везде! Мне не дали... У меня страшная жизнь. Врагу не пожелаешь, Света! Врагу не пожелаешь...

Я не стала «лезть под ногти» и спрашивать, кто являлся отцом ее детей до Вахо. Душа моя свернулась, как сворачивается скисшее молоко на плите. Так со мною бывает, когда речь заходит об инцесте. Я просто так почувствовала. В тот миг. Гораздо позже, просматривая интервью Джуны в Интернете, я обнаружила как раз таки информацию о том, что близнецы были от ее отца. Но утверждать, верна ли эта информация или это ее «понты», я не могу.

В тот день мой неожиданный для нас обоих вопрос под напором горьких воспоминаний вызвал в ней потребность петь о любви ту песню, что я так любила в восьмидесятые и что прославил Ирина Понаровская. Это была песня на слова Джуны...

Ты ушел, унося звуки песни.
И теперь не зови.
Ты ушел, но ведь были мы вместе
В песне нашей любви.
Были вчера еще рядом.
Разгорался уголек
Нашей любви безоглядной.
Как сегодня ты далек!

Знаю – любил, знаю – берёг.
Это у жизни первый урок.

Знаю – забыл, знаю – не ждешь.
Все это было, все это ложь.

Уголек догорает и тлеет.
Всюду темный рассвет.
Но я знаю, никто не сумеет
Затушить наш секрет.
Знать ему больше не надо,
Был ли он в меня влюблен.
Были вчера еще рядом.
Это все прошло как сон.

Знаю – любил, знаю – берёг.
Это был жизни первый урок.
Знаю – забыл, знаю – не ждешь.
Все это было, все это ложь!

Юна – символ материнской несправедливости?

*И становлюсь я легкой,
Как одуванчик, как птица,
Земля, мы с тобою сестры,
Нам звездное небо снится.*

Джуна

Если Вахтангу достались слезы и любовь, то Юне – философия и легкость пера матери.

Юнии, или Юне, посвящены многие стихотворения Джуны. Легенды и притчи – «Альтернатива», «Воительница», «Загадочная добродетель», «Зимний ноктюрн», «Золотая овца», «Притча Алеса», «Притча Сардиса», «Притча Юнии», «Прегрешение» и другие.

Плачу и чувствую – жизнь моя остановилась.
Плачу и чувствую – дочь меня гладит рукою,
Словно загладить вину мою смертную хочет.
Плачу и чувствую – сердце не бьется (так страшно).
Плачу и чувствую – разум меня покидает.

Жанр, обозначенный Джуной как притча, более похож на романтический рассказ с множественными продолжениями и набором одних и тех же главных действующих героев. Причем в эти рассказы, подобно Сервантесу, Джуна вставляет стихи. Если все притчи Джуны соединить вместе, получатся некие хроники жизни на далекой планете или, к примеру сказать, роман «Дон Кихот», где дочь ее Юния и биографией, и чувствами, и стремлениями, и волшебством поэтики характера сильно схожа с самой Джуной, своеобразным Дон Кихотом нашего времени.

То ли природа творит надо мною заклатье,
То ли вина моя в землю уходит слезами?..
«Мама», – кричу,
Ничего уже не понимая.
Лишь ощущаю, что в дочь я свою воплотилась.
Больно на близких смотреть,
Что дочь мою в путь провожают,
В путь тот последний, откуда уже не вернуться...
Им не понять, что жива она,
Слившись со мною,
Им не понять, что и мать моя, слившись со мной,
Новую жизнь обрела...
«Что же вы плачете?» —
Крикнуть хочу и не смею.
«Мама», – кричу,
Но сквозь время тот крик не прорвется!..
Мать я оплакала,
Чтобы в мгновение взрослой очнуться.
Дочь я оплакала,
Сердце свое потеряв.

Сумасшедшее чувство любви Джуны ко всем детям без разбора, даже к тем, что находились еще в утробах матерей, как мне показалось, вызвано ранними собственными потерями. Она с младых ногтей не проходила мимо изодранных, побитых, обиженных, больных. Вытаскивала из каких-то колодцев, лечила тех, кто падал с велосипеда, попадал в истории. А ведь раньше мы все были вольные. За нами не ходили родители до пенсии, как теперь. Мы выходили гулять утром и появлялись только к обеду, а потом к ужину. Играли в «войнушку» и «казаки-разбойники». И это было естественно и нормально. **Джуна в первую очередь помогала детям. Потом – взрослым. Она рассказывала множество сл у чаев, когда она буквально вытаскивала детей с того света. Лечила беременных. Лечила. Лечила. Лечила. Не потому, что добра или недобра. Ею правило безудержное чувство необходимости это делать. Без всяких вариантов.**

В трудное время ее жизни, когда не было средств на об учение и подчас на кусок хлеба, она старалась осознать редкий свой дар, понять, как он работает, чтобы помочь как можно большему числу людей. Для этого нужны были знания.

Образование базовое и образование души

*Родство во Вселенной ищем,
Ищем любовь и разум,
Ищем тот дом, который
Сердце узнает сразу.*

Джуна

Итак, мы заполнили некие белые пятна биографии Джуны. После восьмилетки ей пришлось покинуть дом приемных родителей навсегда и переселиться в места со стабильным заработком, которые бы позволили ей и учиться на заочном, и работать по призванию.

Скорее всего, после двух курсов Ростовского техникума кино и телевидения на отделении кинооборудования, брошенных по причине беременности и ранних родов в 1967 году, ей удалось отдать документы и оплатить свое обучение в ростовском Народном заочном университете «Знание».

Но воспоминания самой Джуны далее географически стабильно связаны с Тбилиси. По ее словам, она много лет служила горничной в санатории, работала и барменом в баре. После курсов массажистов стала показывать чудеса своего врачевания. Это был один из элитных и дорого оплачиваемых комплексов КРЦАНИСИ. Его построили во времена Сталина. Курировал строительство лично Берия. Санаторий обслуживал исключительно грузинскую элиту. Партийных работников. Работников КГБ. Министерства и правительство.

Выросшая совершенно диким цветком, Джуна цеплялась за каждую возможность встать на ноги, получить образование. Она демонстрировала свой дар охотно. Безропотно. Жертвенно. Иногда навязчиво, если речь шла о медиках.

Далее заработал закон судьбы. Или, как это принято теперь называть, кармы. Он, как цепная реакция, когда поможешь одному, тот расскажет, и поможешь другому, третьему, узнает начальство и начальство начальства, пока не дойдет до самого главного начальства, которому, несмотря на статус и все деньги, помощь такого медиума, как Джуна, все равно нужна.

Неслучайные встречи с лидером решили всё

Знаю – любил!

Джуна

В том же самом профилактории или санатории Евгения и встретила грузина, что сделал ей предложение. Сколько лет прожила она с ним, точно и доподлинно не известно. Да и не важно. Никто и никогда не видел фото «референта Шеварднадзе», как обозначила его пресса. Нет о нем ни слова ни в Интернете, нигде. Странное такое существо с именем Виктор Ираклиевич Давиташвили.

Однако сама Джуна не раз рассказывала с глубинной внутренней обидой и вздохами, что *«жила в грузинской семье, не поднимая головы, на правах прислуги»*.

– Света! Знаешь, что такое попасть в семью к нацменам? Невесткой? Это – постирай. Это – погладь. Вымой пол. Выбей ковры. Говори только по-грузински. Это – отработай на основной работе и еще приди домой и отработай вдвое больше! А супружеский долг! Ужас! И я лечила их всех. Вот этими вот руками, лечила! Их и всю родню. А как я готовила на всю семью! И жарила. И парила. И пекла. И свекровь очень любила, как я готовлю. Лучше меня никто не готовил, Света! У меня чистота была идеальная. Посуда блестела! Хрустело крахмальное постельное белье!

Вот эта ее фраза *«не поднимая головы»* меня особенно потрясла. Джуночка. Моя дорогая Джуна, обуреваемая максимализмом, половину жизни жила *«не поднимая головы, на правах прислуги»*...

А потом произошло то, что должно было случиться. Джуна полюбила. И не просто влюбилась. А до самой глубины своего волшебного, бездонного, космического сердца. Она встретила очень высокопоставленного чиновника. (*Имя его неизвестно. Подвиг его бессмертен.*) И этот таинственный генерал или полковник КГБ, судя по лицу их общего сына Вахтанга, лицо кавказской национальности, тоже полюбил Джуночку. Он, по всей вероятности, уже имел семью. А при социализме и при режиме нравственности, что исторически установился в ЦК КПСС, партийные работники строго преследовались за прелюбодеяние. Их связь Джуна скрывала все эти годы.

Тогда ей казалось, любовь – главное в ее жизни. Но она ошибалась. Главным в ее жизни был дар.

Дар Джуны скрыть было невозможно. Как шило в мешке. И не было уже ни одного высокопоставленного чиновника в Грузии, которому бы не помогла Джуна в излечении от каких-нибудь невероятных болезней.

Вахо родился в 1975 году. Друзьями их семьи становятся и семья Шеварднадзе, и семья Паторидзе, и другие элитные семьи Грузии.

Чьим сыном на самом деле являлся Вахтанг, теперь можно выяснить лишь при генетическом анализе. Мне известно одно – это был плод страстной и тайной любви.

Когда Джуна заболела, именно жена Шеварднадзе оказывала ей первую помощь. Случай с клинической смертью достаточно часто описывается в прессе.

Джуну поставили на ноги. А иначе быть не могло. Все в Грузии давно понимали: Джуна – вторая Ванга, и ее ждет мировая слава.

Наступил 1980 год. Джуночке тридцать один. Вахтанг совсем маленький. Ему четыре или пять лет.

И вот эту картинку несколько раз вспоминала она при мне.

– Представляешь, Света! КГБ присылает за мною черную машину. Меня ведут к ней, чтобы из Тбилиси перевезти в Москву. Страшно!!! Так страшно! Обыскивают меня. Мою сумочку... Могли меня расстрелять. Убить. Терзать. Прodelывать надо мною опыты, как над другими. Стереть память. Все что угодно ждало меня! И сына... А он... ОН! Он ничего не сделал для того, чтобы меня спасти! Защитить Вахо! Он ведь знал, куда меня везут. Я могла не вернуться. Меня везли, как кролика. Как мышку. Для опытов в Кремль! Света! А он! ОН! Он не тронулся с места.

Через некоторое время Россия услышала песню на слова Джуны «Красиво», и лишь теперь понятны мне ее слова.

В первый день весны на краешке Земли
Нечаянно мы встретились с тобой.
Пал белый снег, и розы не цвели,
Но к нам пришла весенняя любовь,
Она была отчаянно красива.

В первый день зимы на краешке Земли
Нечаянно расстались мы с тобой.
Пал белый снег, и розы отцвели,
От нас ушла весенняя любовь,
Она была отчаянно красива.

Красиво я вошла в твою грешную жизнь,
Красиво я ушла из нее.
Но, играя, разбил ты мне душу,
А ведь это совсем не игрушка,
Это сердце мое!

Кончилась любовь, когда пришла зима,
Недолг был сезонный наш роман,
Но было все отчаянно красиво...

Красиво я вошла в твою грешную жизнь,
Красиво я ушла из нее.
Но, играя, разбил ты мне душу,
А ведь это совсем не игрушка,
Это сердце мое.

Сердце любой из женщин, живущих на планете Земля, – бездонный океан тайн и загадок. Психологически эти загадки легко вычисляемы. По крайней мере женщинами, по их чисто женской логике. **У лжи тысячи дорог. У правды – одна. Если друг или подруга рассказали вам одну и ту же историю третий раз, не сбившись на фактах, – это чистая правда. Если версии разнятся – значит, где-то сокрыта ложь.** Но есть еще один очень важный секрет. Парадокс. Женщины могут тысячи раз накручивать и навешивать вам истории из жизни, причем каждый раз по-другому, в зависимости от того, как на данную минуту они ее переосмысливают, но никогда ни одна из женщин не обманет в своих ранних любовных стихах. В минуты откровений у юных поэтесс напрочь блокируется способность фантазировать. Если, конечно, эта женщина – не профессионал и не литературный переводчик.

Благословением небес и их наказанием были для Джуны ее волшебные руки. Благословением и наказанием КРАСИВО вошла и... вышла Любовь. При сложении двух единиц, используя дар любви, действие дало результат – тройку. Родился сын. Сын – это так важно для ассирийцев. И для грузин. Сын – наследник рода.

Событие реализовалось. Дар врачевания окреп и не давал шанса на все второстепенное, в данном случае – на любовь.

И файлы чувств в ее организме, в порыве которых были написаны песни, после смерти Вахо были полностью стерты тотальной неприязнью ко всему, что напоминало о сексе. Они исчезли. Осталось единственное – материнская любовь к сыну.

Пока же был жив Вахо, и это знали лишь очень близкие друзья Джуны, родной отец Вахтанга тайно помогал им, используя все свои связи и деньги. Возможно, он помогал и после...

Не надо иметь «семь пядей во лбу», чтобы понять, почему так легко Джуна покинула грузинскую квартиру Давиташвили. Загадку, почему до сих пор некий Виктор Ираклиевич, референт Шеварднадзе, как бы стерт ластиком с биографии планеты, легко разгадать, потому что зачем ее, собственно, разгадывать? По большому счету, брак с ним явился лишь некой ступенькой для раскрытия небесного дара и реализации вселенского предназначения.

В Москве для Евгении Ювашевны Давиташвили началась совершенно другая жизнь. Она гордо подняла голову, расправила крылья, расцвела множеством бутонов яблони-трехлетки, потому что ее душа, «искусственно привитая на благородном подвое», как бы родилась заново, пройдя невероятно трудный тоннель беспросветной юности к свету зрелости.

Родилась Джуна. Просто Джуна. Без фамилии. Имени. Отчества. Как символ времени, которому мелочи игры имен вообще не интересны.

И ее стремление обрести знания, в первую очередь о себе, и передать их планете получило горячую поддержку на самом высоком уровне.

Хроники о феномене Джуны в прессе

*Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,
Рассеки их, подьёмлюсь в бесконечность.
И между тем, как все другие сферы
Я проникаю сквозь эфира поле,
Внизу – другим – я оставляю млечность.*

Джордано Бруно

В нужное время оказавшись в нужном месте, Джуна посвящает себя лечению больных с раннего утра и до позднего вечера. Этот период времени наиболее интенсивен в любых отношениях. Освободив душу от любви и всех любовных интриг, насмехаясь над мужчинами и отодвигая их, повторяюсь, «на самую последнюю очередь вне всякой очереди», она использует любой шанс для демонстрации своих паранормальных способностей.

Путь к самореализации и славе, которая цепляется в придачу к ней, а ни в коем случае не наоборот, происходит стремительно, если дана команда сверху. В смысле, с самого верху, когда тебя под руку ведут к прессе Брежнев, Ельцин и Горбачев. Когда лично председатель Госплана СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Н. К. Байбаков дает оценку твоей деятельности.

Вспомним времена социализма. Мы свято верили рекламе. Любой. Помнится, как рекламировали стиральную машинку «Вятка-автомат». Так после этого ее невозможно было найти в магазинах. Если выпускали книги или газеты, то только миллионными тиражами. Если транслировались песни – их слышала вся страна.

По негласному заказу правительства о Джуно одновременно вдруг пишет ВСЯ пресса СССР. По личному распоряжению Л. И. Брежнева «не тронуть ни единого волоса с головы Джуны» ее ревностно охраняют.

Дмитрий Чижев подробно описывает, как и где происходили встречи с официальными людьми и опыты в документальной книге «Вера: дар исцеления» (Москва, 2012, издательство «Новый ключ»).

Реплики Джуны в ней немного пафосные, на мой взгляд, в жизни она говорила немного проще, но смысл передан верно:

«Генеральный секретарь обращался к Байбакову так только в случаях исключительной важности, когда принимал какую-либо ситуацию особенно близко к сердцу:

– Николай! – говорил Леонид Ильич. – Ты лично передо мной в ответе, если только с головы Джуны упадет хоть один волосок!

На этом телефонный разговор завершился. В комнате надолго воцарилось молчание. И чем дольше оно длилось, тем явственнее чувствовал Байбаков, что она поступит по-своему. Джуна загасила сигарету изящным движением руки, словно вылепленной великим Роденом. Только ей Байбаков, не переносивший табачного дыма, разрешал курить в своем доме. Печально и проницательно посмотрела она на Байбакова. Затем тихо и проникновенно сказала:

– Да, отец! Ты правильно думаешь. Я поступлю по-своему. Не для того всю жизнь несу я свой дар – эту тяжкую и счастливую ношу! Я должна помочь людям раскрыть великую тайну, заложенную в нас Создателем! Завтра в Сербского мне нужно одолеть тех, кому этот мой дар страшен. Кого пугает правда о нашей истинной природе. А она – правда! – властно требует от каждого: живи в любви и добре! Дано ли мне будет донести эту

правду до людей или нет?! Так могу ли я, отец, прятаться и хитрить с этими несчастными людьми, задумавшими меня погубить!..

Джуна замолчала. Но вдруг по ее величественному и гордому лицу скользнула какая-то неуловимая тень. И Байбаков неожиданно увидел перед собой едва ли не плачущую девочку:

– Отец! Мне страшно! Помоги мне! Вдохни в меня мужество! Укрепи мою решимость!..

Через некоторое время, немного успокоившись, она ушла, оставив Байбакова с тревожными мыслями об исходе ее завтрашнего визита».

Это была первая книга, что Джуна подарила мне. Весь ее тираж с зеленой обложкой находился в ее доме на Арбате. Нетрудно догадаться, кто оплачивал этот труд. В книге опубликовано множество фотографий, где Джуна взаимодействует со священнослужителями от патриарха Русской православной церкви до папы римского. Дан упор на то, что Джуна являлась существом глубоко верующим.

Отчасти автор был прав. Но это составляло, может быть, сотую долю истинной Джуны. Ну ни разу не видела я, чтобы она молилась! В ее желании дарить эту книгу угадывалось лишь желание доказать, подчеркнуть, обозначить, и не кому-нибудь, а именно самому Кириллу, что Джуна ждет официального признания Православной церкви.

Кроме того, ведь Кирилл, как ни крути – мужчина. То, что между ними пробежала в ранние годы искра, она мне не раз говорила. Возможно, я не смею этого утверждать, но, по аналогии с многочисленными эпизодами, она обидела его, как и всех друзей своих имела привычку обижать подозрением или резкостью, а может быть, нетрадиционным покаянием. А он не понял, что это была не обида и вовсе не недостаток, а лишь такая вот особенность ее характера. Впрочем, может быть, и понял, но, выполняя добросовестно свою работу, не имел права нарушать установленных канонов.

Целый год она просила меня похлопотать о любой награде от Православной церкви. У меня много знакомых, в том числе священников. Но ни один из них не согласился на мои просьбы даже посетить дом Джуны.

Да. И, кстати сказать, все храмы после смерти целительницы отказались ее отпевать. Согласилась лишь маленькая Ассирийская церковь, которой Джуна в свое время много помогла.

Здесь уместно было бы провести некую параллель отношений с Православной церковью между Джуной и Вангой, тоже до глубокой старости и кончины страдавшей от решительного и бескомпромиссного «отлучения» от церкви.

В утешение можно добавить лишь тот факт, что мировая история знавала моменты и более жестокие.

Так, например, 17 февраля 1600 года на площади Кампо де Фьоре в Риме был сожжен Джордано Бруно, тоже, как ни странно, философ, ученый, поэт. Его смерть – подтверждение его жизни. Его жизнь – поиск истины, голос, который доносится до нас из Вечности. Жизнь и смерть Ванги. Жизнь и смерть Джуны. Все уже было сказано Джордано Бруно 400 лет назад: *«... Пусть звезды приготовят такой посев для поля и такое поле для посева, чтобы из моего труда выросли полезные и славные плоды для мира, которые раскрыли бы дух и пробудили чувства у лишенных света...»*

Как Ванга и как Джуна, Джордано Бруно никогда не искал для себя иной жизни. Он никогда не завидовал тем, кто является рабами в свободе, страдальцами в наслаждении, бедными в богатстве и мертвыми в жизни.

Лишь три столетия спустя, 9 июня 1889 года, в Риме был установлен памятник, на котором высечено: *«IX июня MDCLXXXIX. Джордано Бруно. От столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжен костер».*

На том же самом месте... Его памятник, точно иголка, воткнутая в Землю при акупунктуре. Он победил время... А Джуна? Сколько потребуется вам времени (жизней), чтобы понять, зачем она приходила в этот мир?

А как хотелось бы на Арбате видеть ее стройную, крылатую душу... Я пишу это на всякий случай: а вдруг те люди, что делят сейчас ее наследство, тот особняк стоимостью в сто миллионов долларов, все-таки выделят средства на отлитую пусть не в золоте, а хотя бы в бронзе статую Джуны?

Ведь человек – лишь Свет. Сущность Света, обитающего временно в данной оболочке, которую сплел сам прошлой своею жизнью. **Мы пришли в этот мир отдыхать? Нет. Мы пришли сюда для работы. Работы души. Мы пришли сюда для любви...**

Но мы отвлеклись.

Вторая по значимости фундаментальная публицистика о Джуне принадлежит Льву Колодному. Он стоял у истоков восхождения ассирийской звезды. А в 2007 году включил несколько очерков о личных встречах с Джуной и официальных исследованиях в книгу «Москва в улицах и лицах» (издательство «Голос Пресс»).

О Джуне давали материалы популярные газеты и журналы – «Комсомольская правда», «Московская правда», «Огонек», «Техника молодежи» и так далее.

Миллионным тиражом выходили брошюры с рекомендацией делать массажи по методике Джуны. Миллионным тиражом выходит брошюра «Песни Джуны».

В 2014 году вышла ее книга «Джуна. Сила божественного дара» в издательстве «Эксмо». Но об этом мы поговорим позже.

Академия наук и Джуна. Восьмидесятые

*Я знаю, так все и будет, —
Добро воцарится повсюду,
Планетой великодушья
Будет земля называться...*

Джуна

Сейчас вообще уже неважно, Академия наук заполучила Джуну для исследований или Джуна – Академию наук. Страсть изучения ее феномена была обоюдной. Да еще генсек приказал.

Джуна часто перечисляла закрытые и открытые лаборатории и больницы, где она изучала науку медицину глубоко и самозабвенно. И изучалась сама практически во всех центральных московских институтах и клиниках. Сербского. Боткина. Бехтерева...

Сейчас желтая пресса взалхлеб спорит, было у Джуны высшее образование или нет.

Было. Другое дело, может быть, оно сопровождалось больше не лекциями профессора в присутствии сотни студентов на кафедре, а практическими опытами. Посудите сами, зачем медиуму знание латыни, когда над раной проводится волшебство? Края затягиваются. Из почек выходят камни. Заживляется печень после желтухи. И полностью вылечивается простатит?! Аденома! Рак...

Какая разница больному, как это на латыни называется? **У Джуны были свои способы без хирургического вмешательства и без таблеток помогать страждущим. Она мечтала лишь размножиться на десятки, сотни приборов, чтобы от ее пребывания в это время в этом деле для человечества была максимальная ПОЛЬЗА! Ни денег, ни любовных утех и ни славы – ПОЛЬЗЫ хотела она.**

Я прекрасно помню те времена, как раз в 1980 году я окончила десятилетку. Шла Олимпиада.

С приходом Джуны в советскую медицину началась новая эпоха. Стало модно говорить о неограниченных возможностях человека, об экстрасенсорике и прочих загадочных вещах. «Технику молодежи» выписывали чуть ли не в каждой думающей прогрессивно семье. О мистике болтали домохозяйки в очередях, делали доклады школьники, и даже телевидение обратило свой номенклатурный взор на сверхъестественное. В продаже появились книги, разгадывающие сны. Сонники Цветкова и Меллера. Стали модны брошюры типа «Жизнь после смерти» Моуди. Диалектический материализм терял позиции, он просто поднадоел советскому человеку. С восьмидесятого по девяностый год жители СССР от развитого социализма постепенно поворачивали обратно в капитализм со всеми его «особенностями». Мистикой. Религией. Альтернативной наукой.

Нет. В восьмидесятых народ еще валом не валил ставить свечи у подножий изображений Иисуса Христа. Но, как говорится, яйца уже на всякий случай учился красить, что очень пригодится всем и каждому в девяностых, когда партийные и комсомольские вожаки, что вчера бодренько докладывали о том, что «религия – опиум для народа», вдруг показывались по телевизору возле иконостаса и крестили свои кармашки с потерявшими нужность партийными и комсомольскими билетами.

С одной стороны – дикость. С другой – знак пришествия новой эпохи.

На остром, как бритва, ребре между верой и неверием Джуна, подобно богатырю на поле среди множества множеств, вела непростую

битву. Среди ученых у Джуны и ее «джунизма» моментально возникло множество врагов и оппонентов. Ей не раз и не два говорили, что на шахматной доске принятой науки «ферзь не ходит в ответ конем». Образно говоря, Джуна отвечала: «А кто вам, собственно, сказал, что играть в науку можно только шахматами?»

И она выставляла на доске новые фигуры. Новые гипотезы. Новые версии.

Само слово «чудо» учеными отвергалось. Надо было для народа заменить его на что-то более научное. И ученые находили необъяснимому явлению практические и технические названия.

Однако не чудо ли это, когда у них на глазах «склеивалась» рана? Больной неизлечимой болезнью через пару минут вставал, и розовели щеки, наполняясь здоровьем. Распускались бутоны роз. Состарившиеся щеки привилегированных дам светились молодостью.

Джуна угадывала действия ученых. Демонстрировала, играючи, видение сквозь пространство, сквозь стены. Засвечивала киноплёнку. Предсказывала будущее. Говорила о том, что случалось в прошлом...

Команда, подобранная для нее, воссоздавала по излучению ее рук приборы. А Джуна сама являлась прибором. Природным. В теле человека.

А еще помимо золотого запаса страны, соболя и норки, нефти, алюминия, древесины и черной икры, которыми торговало Торгпредство, СССР получил бонус – Джуну. Целительницу, востребованную на самых высоких верхах самых развитых стран.

Джуной начали «торговать» с 1989 года. Именно тогда впервые она отправилась в заграничную правительственную командировку в Италию. Папа римский встречал ее более чем любезно. Ведь помимо своих волшебных рук, она везла в подарок картину. Девушку с большими глазами. Инопланетянка смотрела иконой на духовного отца планеты. А он смотрел на нее. Вне всякого сомнения, он отвергал любое целительство как ведьмачество. Но и не отказался от врачевания. Почему бы и нет? Джуна лечила элиту Италии. График ее пребывания в другой стране был заполнен, как у врача во время боевых действий. Она отказывалась от еды, путешествий, экскурсий, выбирая больных и работу над этими больными. И ей даже не важно было, кто находится перед нею – король или простая гувернантка, у которой вдруг из носа потекла кровь от переутомления. Джуна не изменилась до самой смерти. Она присаживалась перед детьми, чтобы быть с ними на равных. И вставала на цыпочки перед высокими баскетболистами, если у тех обнаруживала боли в затылке.

Там, в Италии, снова включился механизм цепной реакции. После папы римского о Джуне моментально узнает вся европейская и мировая пресса. Все правительства и все богатые люди Земли дают запрос в Кремль, чтобы хоть на час, хоть на пару минут заполучить целительницу для аудиенции.

Казна пополняла золотой запас СССР. Джуне доставались фиксированные командировочные, слава и личные подарки. Подарки королей и цариц, лордов и графов. Так, лорд Стэнли Кук преподнес ей два килограмма платины и ларец, наполненный изумрудами, бриллиантами, сапфирами...

Привыкшая отдавать все семье и делиться с друзьями, Джуна, не любившая лишних украшений и излишеств, воспитанная на прожиточном минимуме, щедро делится со всеми, кто воспитал ее, кто был дорог в дни, когда она жила *«не поднимая головы...»*

Братьям и племянникам она приобретала машины и квартиры. Дом ее, богатый и хлебосольный, наполнился случайным и неслучайным народом.

Творческая, научная и номенклатурная элита потянулась со всех сторон, чтобы пообщаться, а заодно и подлечиться рядом.

Несмотря на включенный «рукою Москвы» зеленый светофор по всему миру, для Джуны эти времена связаны с постоянным ощущением сидения на пороховой бочке.

Где бы ни находилась она, чем бы ни занималась – чествованием новых и новых гостей, слушанием стихов, работою над приборами и опытами, – в любую минуту ей могли позвонить и прислать за нею черную машину. Днем, ночью, вечером, утром...

Она жила каждый день, как последний. КРАСИВО.

Что спрашивать с «помойного кота поэта»? Он расплачивался за лечение стихами. Что спрашивать с композитора? Он писал на слова Джуны песни. Художники и скульпторы давали ей уроки живописи и пластики. Хирурги и другие врачи – сжатые курсы, восполняющие пробелы в образовании. Военные вручали военные ордена. Тренеры – черные пояса карате...

Все они думали, что общаются с обыкновенным человеком, не рассматривая вероятность воплощения на земле в обличье женщины бога медицины древней Месопотамии Нин-гишзида. Джуна в знаках изображала его на своих полотнах в виде змеи, обвивающей жезл, а иногда ноги. А может быть, она была ассирийской богиней Бау, что исцеляла руками людей и богов.

Сейчас, когда я пишу эти строки, тоска по ней исцеляется воспоминаниями.

Джуна и космос

*Верьте сердцу
И серость умрет,
Путь земной – это ввысь полет!
Ах, вы мне говорите зря,
Что на вас не похожа я,
Что мне космос земли родней,
Нет,
Как вы,
Я живу на ней.*

Джуна

Когда Джуна рассказывала о Звездном городке, она непременно приставляла палец к губам и шептала:

– Тс! Это секрет!

Все знали и не раз видели ее фотографии с космонавтами. Среди ее друзей их достаточно много.

Джуна до последнего дня утверждала, что опыты над нею были разными. Один из таких опытов – полет в космос. Она тихо это говорила, будучи уверенной, что ее прослушивают. И всегда показывала все свои длинные, скрюченные подагрой пальцы:

– Пять! Я была в космосе пять дней!

– Как там?

– **Красиво! Синяя Земля! Там ничего не мешает тебе. Ты плывешь. Летишь. Пять дней свободы. Там и пан, и пропал. Там жизнь и смерть. Там Бог и Дьявол. Там на весь космос черноты – одно маленькое солнце. Но день всегда побеждает ночь. Тьму – свет. Добро побеждает зло. А правда – ложь. Так жизнь, Света, когда-нибудь победит смерть. И все приборы, что я делаю, увидишь, они даруют человечеству жизнь вечную. Человек будет жить долго-долго. Очень долго. И не стариться.**

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем, Джуна, человеку жить долго?

– А ты разве не хочешь жить долго?

– Нет. Мне интересно, что там между жизнью и смертью. Тибетская книга мертвых говорит, и Египетская книга мертвых говорит, что смерть – великий шанс!

– Ты глупая женщина! Жизнь – это великий шанс!

– И жизнь. И смерть. И любовь... В космосе летать понравилось?

– Я каждый день могу летать и без всего этого. Так удобнее. Ты же мне не запретишь!

– Кто же тебе запретит?! Только не летай на людях. Убьют!

Эти ее заявления о космосе можно было бы списать на выдумку, или на ее, как принято говорить в Москве, «понты». Уж кто-кто, а Джуна была самой «понтовой» в Москве персоной – после Путина, конечно. И первые несколько встреч она разбрасывала передо мною свои «понты», как козыри в какой-то полудетской игре в «казаки-разбойники».

Но каждый раз историю о космосе она начинала шепотом, прикладывая указательный палец к губам. И обязательно показывала все пять пальцев, при этом говоря:

– Пять дней! Пять я была в космосе! Меня изучали, как организм мой – сможет ли там лечить? Сможет!

Не знаю почему, но я ей верила. И когда центральное телевидение пригласило ее на какую-то скандальную передачу и против нее ополчились люди. И какой-то военный начал ее обвинять, что ее заявления смешны и преступны, что путь от лейтенанта до генерала надо пройти через звания майора и так далее, и что якобы Джуна присвоила себе звание генерала и ордена не заслуженно, и все незаслуженно. Джуна, я знаю, чувствовала себя очень плохо. И ноги ее ходили с трудом. И спина у нее болела. И она наверняка наглоталась перед съемками феназепама, чтобы казаться как можно более спокойной. Джуна просто вспыхнула от обиды. Она ведь всю жизнь отказывалась и от званий, и от наград. Люди сами высыпали на нее удостоверения, дипломы, звания, ордена, подарки...

Я, сидя у экрана, негодовала. Если бы была рядом, расцарапала бы негодюю лицо. А она вдруг совершенно спокойно произнесла:

– Подойдите ко мне, я скажу вам по секрету, это правительственная тайна!

И она прошептала ему на ухо то, что я прочла по губам:

– Я пять дней была в космосе!

Тот военный сильно смутился. И замолчал на весь остаток скандальной передачи.

Джуна и Чернобыль 26 апреля 1986 года

*... разлуки нет.
Есть только вечность.*

Джуна

А еще она рассказывала, как ее незамедлительно доставили в зону поражения.

– Народ еще не знал о масштабности беды. А нас уже через час привезли на территорию катастрофы с черепами на столбах. Чернобыль – это смерть на смерти. Ни один у реактора не выжил. Я выжила. Я спасала сотни и сотни людей с утра и до вечера. Мне помогали. Ребята помогали. Я до этого вообще не пила. Ты знаешь. Я не пью ни водку, ни шампанское. Я теперь пью только виски. Потому что там, в Чернобыле, сильную радиацию можно было нейтрализовать лишь чистым спиртом. Мне давали стакан спирта. Я пила. И шла к больным. Стакана хватало на два часа. Потом – опять! Приборы зашкаливали, Света! И я не умерла. Мы сутками, неделями не спали, спасали детей. И женщин. И стариков. И взрослых мужчин. Мы столько спасли народу! Об этом никогда и никто не напишет. Это все были правительственные тайны. Кому они нужны? Лживую статистику, которую потом опубликовали в официальных данных, давно выбросили на помойку!

– Прямо по Булгакову! «Кто же даме будет предлагать водку, только чистый спирт!» – улыбнулась я.

Джуна неожиданно рассвирепела:

– Ненавижу Булгакова! Он демонист! В его комнате зеркало было, через которое он за влюбленными парами подсматривал, извращенец. Он умер от сифилиса... Его Маргарита – трусливая ведьма! Дождалась, что стала невидимой, и пианино чужое топором изрубила, людей ни в чем не повинных затопила. А так по морде слабо дать? Слабо?

– Значит, говоришь, спирт нейтрализует радиацию? – не обращая внимания на ее очередной энергетический срыв, спросила я.

– Да! – мгновенно успокоившись, ответила Джуна и дала бесценный совет. – **Ты держи всегда в холодильнике пару бутылок водки. На всякий случай. Вдруг пригодится!**

«Мой грех – я сделала перестройку»

*Не спасет запоздалый крик,
Не разгонит пучины тьму, —
Как «Титаник», страна-материк
Накренилась, задрал корму.*

Джуна

Иногда Джуна напоминала мне белую кобру, лишенную ядовитого зуба, сидящую на своих сокровищах, накопленных за жизнь восточными ракшасами.

Душа моя не всегда сразу определяла, какую роль в своей жизни отводит она ей.

– Я же ничего плохого не делаю, Света, – порою превращалась Джуна в кающуюся грешницу, возводя меня, соответственно, в сан принимающего покаяния, – у меня есть только один грех, в котором я хочу покаяться. Я сделала перестройку...

Она рассказывала это только раз. Слуги в тот день отсутствовали. Вики прилежно посматривал то на нее, то на меня, наверное, удивляясь. Джуна пыталась мне угодить. И это было очевидно. Она сама «колдовала на кухне», немного ворча, что ее «эти негодяи снова оставили без кусочка хлеба». Однако хлеб тут же находился, нарезался и выставлялся на стол. За ним – подогретые тушеные овощи, хачапури, нарезки колбасы и мраморного мяса. Клубника не в сезон...

Джуна таинственно молчала. А я не спрашивала, заинтригованная началом разговора.

– Я знала, чем это кончится. Но у меня был маленький сын. Понимаешь, Света?

Я кивнула.

– Ешь! – сделала она глаза угрожающими, не терпящими возражения, и сразу же они стали мягкими и лукавыми. – Покушай, я тебя прошу, я сама тебе налью чаю. С лимоном?

Я терпеть не могу чай с лимоном. Но кивнула, чтобы Джуна лишний раз не тратила энергию на уговоры, как делала всегда. С нею проще было согласиться, чем полчаса объяснять, почему мне нельзя лимон...

Убедившись в том, что я жую, она тоже положила в свою тарелочку несколько кусочков овощей. Но не притронулась. Ее кофе тоже безнадежно остывал. Джуна говорила медленно и таинственно, пытаясь вспомнить что-то важное. Возможно, ей не все удавалось.

– Я почувствовала, я вовремя увидела, чем это грозит стране. Державе. Каждому человеку. Я поняла это раньше, чем Сережка Есенин, которого повесили в «Англетере». Он ведь тоже понял все тогда. За это и утюгом по лбу получил... и в гробу лежал с раной вот здесь...

Она поморщилась, чувствуя чужую боль. Я давилась овощами, осознавая, что присутствую при чем-то странном и необъяснимом – при ее вхождении в пространство.

– Я не имела шанса послушаться. Понимаешь? У меня был маленький сын. Семья.

Джуна словно вытаскивала слова, тихие и слабые, откуда-то изнутри. Как стихи звучали они в пустом доме. Вики ревниво поднимал то одну бровь, то другую.

– Чтобы отвлечь народ, нас троих выпустили на экраны и в залы во время перестройки. Чумак «заряжал воду». Кашпировский «давал установки». А я... а я, Света...

Она закурила. Пауза показалась мне долгой. Бесконечной.

– Но Россия должна быть благодарна мне, я не дала ее развалить! Не дала!

– От тебя что-то зависело?

– Молчи! – вскричала Джуна. – Молчи! Я говорю! Зачем ты сейчас вот это сказала...

Она попыталась перевести разговор на другую тему. Но ей не удалось. И Джуна косвенно снова вернулась к нему:

– Я получила вот этот дом. На Арбате. И еще пять квартир. Я потом их подарила. Переписала на племянника и приемного сына. Друга Вахо.

Вдруг глаза ее заблестели, и заискрились, она зарумянилась и улыбнулась, наконец:

– Я купила Вахо телевизор. И себе такой же. У него был компьютер. И экран. Вот такой. И у меня. У меня стол. И у него такой же. У него ванна. И у меня такая же. Мы ходили друг к другу «в гости», – весело засмеялась Джуна. – Мой Вахо – самый талантливый ребенок на свете. Способный. Самый красивый. Мы все время были с ним вместе! Я никогда не отпускала его. Мы ездили по всему миру. Я брала его на приемы.

Вспомнив о том, что я долго молчу, она неожиданно стала нападать:

– А тебя поместили бы в барокамеру? А? Ты смогла бы... выжить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.